

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ

3

ДЖИХАД ПО-РУССКИ

Книга третья из цикла «Осколки последней войны»



16+

Сергей Михайлов
Джихад по-русски

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Михайлов С.

Джихад по-русски / С. Михайлов — «ЛитРес: Самиздат», 2007

«Джихад по-русски» – третья часть цикла «Осколки последней войны». Май 2006 года. Случай приводит Ивана Рукавицына в его родной город Синегорск, где он оказывается в гуще криминальных событий. Чеченские террористы захватывают химический институт, занимающийся научными разработками оборонного значения. Цель захвата – акция устрашения и демонстрация нового химического оружия. А город должен стать полигоном для испытаний. Пытаясь противостоять им, Иван вместе с друзьями по довоенным подземным катакомбам пробирается на территорию института. Выйдут ли они победителями в смертельной схватке с террористами? Спасут ли город от химической атаки?

Содержание

1.	5
2.	7
3.	11
4.	14
5.	16
6.	19
7.	23
8.	26
9.	30
10.	33
11.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

1.

– Хлопец, давай к столу! Да ты не стесняйся, садись, я ж от всей души. Вон, гляди, салыце домашнее, с прожилками, ты такого отродясь не едал. Огурчики с огорода, сам растил, сладкие, аж во рту тают. Горилка, тоже домашняя, чистая, как слеза. Это тебе не какая-нибудь там отравка «на бруньках», а настоящий буряковый первач. Давай, хлопчик, без церемоний. Нам ведь до Москвы ещё ого-го сколько вместе ехать.

Пожилой хохол, плотно сбитый, кряжистый, с широкой костью, по-хозяйски разложил на столике нашего купе домашнюю снедь, может и не слишком богатую по ассортименту, зато в огромном количестве. Одному столько не смолотить, это уж точно. Однако я отказался.

– Я не ем сало.

Он удивлённо вскинул левую бровь и сокрушённо покачал головой.

– Считаю, хлопец, что ты ещё и не жил. Без сала нельзя, в сале – источник жизни, сало и есть сама жизнь.

Я не любил сало. Я его ненавидел. Когда-то давно, в другой жизни, моё отношение к салу было вполне лояльным – как и ко всем другим составляющим моего привычного рациона. Но чеченская бойня напрочь отсекла мою прошлую жизнь, обнулила ценности, коренным образом изменила привычки, пристрастия, взгляды на жизнь. С войны я пришёл другим человеком. Прежний Иван Рукавицын навеки остался на поле боя. Убит, уничтожен, втопан в жирную чеченскую грязь, пеплом развеян по ветру.

«Сало в окопах» – так мы их называли. Тех украинских наёмников, которые добровольно вступали в бандформирования чеченских боевиков и сражались против российских федеральных войск. По жестокости они превосходили даже чеченцев, не уступая, пожалуй, лишь афганским и арабским наёмникам. Этих «братьев-славян» в плен не брали, и они это знали. Знали, что прощения им не будет никогда. Поэтому дрались отчаянно, до последнего патрона. Было среди них немало снайперов.

Помню, захватили как-то наши бойцы одного такого хохла-оборотня, вместе с его «эсвэдэшкой». Сколько уж он наших бойцов положил, один Бог знает. Здоровый рыжий детина, наглый, сытый, холёный, всё ухмылялся и требовал представителей ОБСЕ. В кармане его бушлата мы нашли с десяток жетонов-«смертников» – всё, что осталось от наших ребят, павших на поле боя. Этого было достаточно, чтобы решить судьбу «коллекционера». Всю ночь наши пацаны крутили его на «тапике», периодически обливая водой, а утром всей ротой отметили так, что ни одной косточки целой не осталось. Спесь с него слетела в два счёта. Переломанного, всего в крови, бросили в яму. Три дня его там держали, без воды и пищи, а потом вынули и повесили за ноги на самом высоком дереве – чтоб его землякам с «чеховской» стороны хорошо видать было.

Эти жетоны ещё долго стояли у меня перед глазами. Меня преследовало одно и то же видение. Тихое украинское село, в центре – крепкий, богатый домина. В горнице, в кресле-качалке, сидит этот рыжий «герой войны» и покуривает трубку. Рядом суетятся ребятишки, счастливая жинка накрывает на стол. Семейная идиллия... За его спиной, на стене, висит фотография: он в камуфляже, со своей «эсвэдэшкой», на фоне заснеженных гор, а вокруг – смуглые бородачи, собратья по оружию, под зелёным знаменем ислама. Ниже, под фотографией, аккуратно развешаны «смертники» – боевой трофей. А рядом другое фото, пожелтевшее от времени: его дед с группой советских бойцов на фоне рейхстага. Герой другой войны.

Так могло быть. Но так не стало: рыжий хохол с той войны не вернулся...

Я ненавидел сало. Но объяснять причину моему случайному попутчику я не буду. Мне вообще не хотелось с ним ни о чём говорить.

Однако он не отставал.

– Послушай, хлопец, я ведь не слепой. Вижу, гложет тебя что-то. Война?

Я вздрогнул. Прямо в точку попал.

Он кивнул.

– Можешь не отвечать, парень, и так всё ясно. Что, видать, крепко насолили тебе хохлы?

– Дед, давай закроем эту тему.

– Да ты погоди, хлопчик, не руби с плеча. Знаю, много моих земляков подлости наделали на той войне. Но ты на всех-то не серчай, хлопец, по нескольким выродкам обо всём народе не судят.

– А я и не сужу, не моё это дело – судить кого-либо, – начал горячиться я. – Живите как хотите, а в душу ко мне не лезьте. Не люблю я этого.

– Как знаешь, парень.

Он надолго замолчал. А потом сказал, взвешивая каждое слово:

– И всё же, если можешь, прости нас за всё. Земля-то у нас одна.

Я махнул рукой и вышел из купе. Разбередил мне душу этот старый хохол.

Очень хотелось курить.

2.

Я не сразу пошёл в тамбур. Опустил в коридоре окно и подставил пылающее лицо свежему майскому ветру. Мимо проносились бескрайние поля, едва тронутые зеленью, вдоль железнодорожного полотна тянулась бесконечная лесополоса. Изредка, словно из ниоткуда, возникали деревушки и тут же исчезали. Мелькали, подобно двадцать пятому кадру, крохотные полустанки. Май – моё любимое время года. Природа ещё только пробуждается от зимней спячки, но уже по-летнему тепло. Нет ещё того буйного июльского разнотравья, трава на полях и листва на деревьях робко распускаются навстречу весеннему солнцу, словно опасаясь, что зима ещё может вернуться и загубить едва зародившуюся жизнь. Только в мае листва имеет тот неповторимый светло-зелёный цвет, который грубеет с наступлением лета, а к августу она покрывается слоем пыли, отчего листья и трава кажутся серо-зелёными, грязными и старыми. Май для меня – символ молодости и возрождения к жизни...

– Пассажир, закройте окно! – ворвался в мои думы строгий голос проводницы.

ТЬфу! Как мимолётны в нашей жизни минуты покоя!.. Я сунул в зубы сигарету и потопал в тамбур. Настроение было испорчено окончательно.

В тамбуре было накурено, хоть топор вешай. Помимо меня, здесь топтался ещё один мужичёк. Примерно моего возраста, с ёжиком жёстких волос на голове, с пухлыми, как у хомяка, щеками. Увидев меня, он дружелюбно улыбнулся, обнажив два по-заячьи крупных верхних резца. Чем-то в этот момент он был похож на Макаревича.

– Куда едешь, друг? – спросил он.

– В Москву, – ответил я односложно. Мне не очень-то хотелось заводить новое знакомство.

– А сам откуда будешь?

– Из Москвы.

– Это потому что земля круглая, да? – хихикнул он. – А я из Синегорска. Туда и еду, с семьёй. Слышал такой город?

Я кивнул. Объяснять, что я сам родом из этого небольшого городка в самом центре России, я не стал.

– Неужто слышал? – не отставал он. – Его и на карте-то с трудом найдёшь. Слушай, друг, выпить хочешь? – внезапно изменил он направление разговора. Вернее, монолога, поскольку я практически молчал.

Выпить сейчас не помешало бы. Может быть, это хоть как-то развеет мои мрачные мысли.

– Хочу, – согласился я.

– Так чего же мы ждём? – обрадовался он. – Идём ко мне в купе, у меня бутылочка хорошей водки припасена, а одному пить как-то не в кайф. Ты в каком купе едешь?

– В четвёртом.

– А я в пятом. Соседи, выходит. Меня зовут Руслан.

Он протянул мне руку. Я нехотя её пожал. Рука была пухлой, мягкой, не привыкшей к физическому труду.

– Иван, – представился в свою очередь я.

Мы выкинули в пепельницу свои окурки и вышли в коридор.

Коридор был пуст, пассажиры сидели в своих купе и потихоньку маялись от клаустрофобии. Мы прошли уже половину пути – Руслан впереди, я следом, – как дверь одного из купе распахнулась и из него вышла женщина. Не первой молодости, но с хорошо сохранившейся фигуркой и симпатичной мордашкой. В тайниках моей памяти при виде её что-то всколыхнулось, всплыли какие-то смутные образы чего-то очень далёкого, почти забытого. Я мотнул головой, стряхивая наваждение. Нервы всё это, нервы...

Женщина увидела нас и замерла. Её напряжённый взгляд буквально буравил нас. Потом вдруг сорвалась с места и бросилась нам навстречу. Бесцеремонно отстранив в сторону моего спутника, она буквально повисла у меня на шее.

– Ванюша! Рукавицын!

Я аккуратно, но настойчиво отстранил её от себя. Вгляделся в её лицо.

– Наташка?.. – неуверенно произнёс я. – Самойлова?..

– Неужели я так изменилась, Ванечка? – кокетливо улыбнулась она.

– Нисколько, – обрёл я былую уверенность. – Просто не готов был встретить тебя здесь. Сколько лет-то пролетело!

– Да уж немало. – Она повернулась к моему спутнику. – Русланчик, знакомься, это Ванюша Рукавицын, мой старый-престарый школьный друг.

– Не такой уж и старый, – улыбнулся я в ответ.

– Вместе школу в Синегорске кончали, – продолжала она, обращаясь к этому типу, который, как я понял, оказался её мужем. – Как я рада тебя видеть, Ванюша! Как будто и не было всех этих лет.

Руслан, бледный и мрачный, стоял рядом и нервно подёргивал руками. Хомячьи щёки слегка вибрировали. Встреча двух бывших одноклассников в восторг его явно не привела.

– Что же мы в коридоре-то стоим! – спохватилась Наташа. – Пойдём к нам, с пацанами своими познакомлю.

– Да мы, собственно, туда и направлялись, – заметил я и кивнул на Руслана. – Твой муж пригласил меня на рюмку водки.

Она нарочито грозно посмотрела на супруга.

– Так, опять за старое? Ну да ладно, сегодня можно. Не каждый день ведь встретишь старинного школьного друга.

Я мысленно усмехнулся. Школьного друга... Мы никогда не были друзьями. Просто учились в одном классе, с первого по десятый, одно время даже сидели за одной партой, но дружбу не водили. У меня был свой круг приятелей, у неё – свой, и наши круги практически никак не пересекались. Правда, в пятом классе я был тайно в неё влюблён (никому, даже под самыми страшными пытками, я бы в этом тогда не признался), но к шестому эта лёгкая влюблённость успела выветриться.

– Причина уважительная, – улыбнулся я, галантно уступая даме дорогу.

– Ты почему не сказал, что тоже из Синегорска? – толкнул меня в бок Руслан.

Я пожал плечами.

– Не захотел.

Он, кажется, обиделся. Вообще, странный тип этот Русланчик. Сначала липнет, как репей, а потом обижается, когда его в упор не замечают.

Два пацана, один лет двенадцати, второй года на два старше, лежали на верхних полках и резались в тетрис. На нас – ноль внимания. Мы расположились внизу. Выпили, закусили, вспомнили былые годы, перемыли косточки бывшим одноклассникам. Говорили в основном мы с Наташкой, Русланчик же всё больше пыхтел, мрачнел на глазах и налегал на водку.

– Санька Морозов основал свою фирму и сейчас преуспевающий бизнесмен, – рассказывала Наташа, – Славик Христенко – главный врач в нашей поликлинике, Ольга Кривцова работает диктором на местном радио, Мишка Пантелеев – в городской администрации. А остальные разлетелись, кто куда. Много ребят после армии в город уже не вернулись, девчонки замуж повыскакивали и тоже упорхнули. Все худо-бедно свою жизнь устроили. Один только Колька Евсеев окончательно спился. Жена его бросила, дети знать не хотят, жилья нет – всё пропил. Бомжует где-то по подвалам, с такими же, как он сам, алкашами.

– Колька? Так он же у нас лучше всех учился! – удивился я. С Колькой в своё время мы были большими друзьями.

– Он пить начал, когда из Чечни вернулся. Я его тогда не узнала. Длинный, худой, щёки ввалились, в глазах пустота. Зомби, а не человек.

Я кивнул.

– Это ты очень верно заметила, Наташа. С той войны возвращаются зомби. Люди остаются там. Навсегда.

– Ты там был? – тихо спросила она.

– Был.

– Но ты же пить не начал!

– Начал. Два месяца по возвращении пил беспробудно, а потом как отрезало. Если б не пил тогда, давно бы в психушку угодил... Сама-то чем занимаешься?

– Магазины небольшой держу. А сейчас вот из отпуска возвращаемся...

Час пролетел незаметно. Экскурсия в наше общее детство затронула в душе давно дремавшие воспоминания, пробудила острую ностальгию. В принципе, с Наташкой Самойловой нас ничто не связывало, только одно – школьные годы. Двадцать лет минуло со школьной поры, эта женщина была мне совершенно чужой, и в то же время какие-то интимные флюиды объединяли нас. Эти флюиды исходили из детства. *Мы знали друг друга детьми.* То есть теми, кем мы были на самом деле. С годами наша истинная сущность, ещё обнажённая в детстве, обрастала житейскими наростами, социальными условностями, мерзостями продажной войны, семейными дрызгами. Это как годовые кольца у дерева: каждое новое кольцо всё больше и больше, всё глубже скрывает сердцевину, в которой сокрыта душа, и чем дальше от центра, тем грубее оболочка.

Я уже порядком захмелел и потому решил возвращаться в своё купе. Руслан, изрядно накачавшийся, в упор смотрел на меня бычьим взглядом, словно я был для него красной тряпкой. Я усмехнулся, попрощался с Наташей, по-простецки хлопнул её муженька по плечу и пошёл к себе.

Старый хохол встретил меня молча и возобновлять душещипательную беседу не стал, за что я остался ему весьма благодарен. Он не спеша уничтожал свои продовольственные запасы, обильно запивая их домашней самогонкой. Я забрался на верхнюю полку и уставился в окно. На соседней полке дрых странный мужичёк субтильной наружности и неопределённого возраста. Маленький, щупленький, в очках, похожий на бухгалтера. Едва он появился в нашем купе, как сразу достал из дорожной сумки бутылку водки, в два стакана выдул её – молча, в одиночку, потом заполз на свою полку и отключился. Это было вчера вечером, с тех пор он так и лежал в отключке. Вырвался, видать, мужичёк из семейных оков, вот и решил гульнуть по полной, отметить краткий миг свободы.

Я лежал на животе и пялился в окно. Мерный стук колёс, ритмичное покачивание вагона и однообразный пейзаж за пыльным стеклом действовали на меня умиротворяюще. К чёрту все проблемы! Я еду домой, в Москву, к жене, к сыну, а это самое главное. Всё остальное в этой жизни не имеет значения.

Командировка моя закончилась. Задание главного редактора нашей небольшой газетки, в которой я трудился уже более полугода, я выполнил полностью, и теперь с лёгким сердцем мчался в первопрестольную. Отношения с шефом у меня складывались сложные, однако, надо отдать ему должное, он ценил меня как хорошего специалиста и профессионального фоторепортёра и потому на такие мелочи, как натянутость в отношениях, старался не обращать внимания.

Меня потянуло в сон, чему в немалой степени способствовали выпитая водка и мелькание бесконечной лесополосы за окном. Я находился в состоянии полудрёмы и машинально, лишённый каких-либо мыслей, наблюдал, как откуда-то из-за сплошной зелёной массы вынырнула автотрасса и асфальтовой змейкой потянулась вдоль железнодорожного полотна, всё

больше и больше сближаясь с ним. Где-то впереди, наверное, будет переезд, шоссе пересечёт нашу ветку и потечёт уже с другой стороны.

Кажется, я всё-таки заснул. Уже во сне память отбросила меня в прошлое, туда, куда вернуться для меня было равносильно самому страшному кошмару – в Чечню. Перед моим взором по такой же вот дороге мчались три БТРа, наши или «духовские», я не знал. Они неслись на предельной скорости, я отчётливо видел все детали их конструкции.

Откуда-то издалека донеслась автоматная очередь.

Я очнулся. БТРы не исчезли, они оказались реальностью. Что за чёрт! Откуда в российской глубинке бронетехника? Да ещё на обычной гражданской автотрассе!

И тут вагон сильно трянуло, я едва не слетел со своей полки и лишь чудом удержался. Внизу, на столике, со звоном посыпались бутылки старого хохла. В коридоре кто-то истошно закричал.

Поезд резко тормозил.

3.

Я спрыгнул вниз. Хохол испуганно смотрел на меня.

– Что стряслось? – почему-то шёпотом спросил он.

– А хрен его знает!

Я выскочил в коридор. Состав к тому времени уже окончательно остановился. Из купе высовывались перепуганные люди, кто-то плакал, кто-то матерился, кто-то гневно возмущался беспределом на российских железных дорогах. Никто ничего не мог понять. Бледная, с круглыми от страха глазами, молоденькая проводница пыталась успокоить пассажиров, но у неё это плохо получалось – её саму надо было успокаивать. Я вернулся в купе.

Поезд стоял. На шоссе, метрах в двадцати от полотна, замерли три БТРа с направленными на нас пулемётами. Человек пятнадцать в камуфляже и с чёрными масками на лицах рассредоточились вдоль состава и держали поезд под прицелом АКМов. Сектор обзора был слишком мал, чтобы я мог реально оценить всю ситуацию, однако и увиденного было достаточно, чтобы понять: поезд захвачен террористами.

Я высунул голову в коридор. По другую сторону состава также протянулась цепь людей в масках. Выходы из вагонов были заблокированы. Я вернулся в купе и снова прильнул к оконному стеклу.

На дороге показался чёрный джип. Скрипнув тормозами, автомобиль остановился у второго «бэтэра», из него вышли двое. Тоже в камуфляже и в масках. У одного в руке была рация, он то и дело выходил на связь и отдавал какие-то распоряжения. Видимо, это был их главарь. Может быть, мне показалось, но на голове его я различил что-то вроде повязки. Зелёного цвета. А это значит, что мы оказались в дерьме по самые уши.

И ещё одна деталь. У этого типа не было левой руки, пустой рукав был заправлен в карман его камуфляжной куртки.

И тут я вспомнил. Фотоаппарат! Я же как никак репортёр, и мой профессиональный долг... впрочем, к чёрту долг! Я никому ничего не должен. Просто я не мог пройти мимо такого события, чтобы не запечатлеть его на плёнке.

У меня был плёночный фотоаппарат, который стоил большую кучу денег – аж пять тысяч баксов. «Кэнон» с отличной оптикой, который я использовал исключительно в служебных целях. Вот и сейчас в эту поездку я взял именно его.

Я достал из сумки аппарат и нацелился объективом в окно.

– Что ты делаешь? – зашипел на меня хохол. – А если они увидят?

Я не ответил. Азарт охотника овладел мною. О возможных последствиях я в этот момент уже не думал. И, как оказалось, совершенно напрасно. То ли нервное напряжение дало о себе знать, то ли обычная забывчивость, но я совершил огромную ошибку: не отключил фото-вспышку. Как только щёлкнул затвор, яркая вспышка на долю секунды осветила купе, но этого мгновения оказалось достаточным, чтобы нас заметили. Однорукий завертел головой, а его спутник указал рукой на наше окно. Главарь отдал какую-то команду ближайшему бандиту.

– Ложись! – крикнул я и грохнулся на пол, увлекая за собой нерасторопного старика.

В тот же миг прозвучала автоматная очередь, оконное стекло в нашем купе разлетелось вдребезги. Я взглянул на верхнюю полку, где как ни в чём ни бывало продолжал дрыхнуть третий пассажир. Кажется, его не задело.

– Эй! – услышал я снаружи. – Кидай фотоаппарат сюда, шакал! А то гранату швырну.

Мне не понравился его акцент. Я всё больше и больше укреплялся в одной мысли, в которой боялся признаться самому себе.

На раздумья времени не было. Дилемму «пять тысяч баксов против жизни» я решил в пользу жизни. Если я не кину ему фотоаппарат, он кинет гранату. И дёрнул меня чёрт снимать!

– Давай, хлопец, не тяни, – нетерпеливо толкнул меня в бок старик, – а то подохнем здесь, как мухи.

Я медленно поднялся, держа фотоаппарат высоко в руке. Пусть видят, что я не проявляю враждебности и готов выполнить любые их требования. Один из автоматчиков тем временем приблизился вплотную к вагону и держал окно на мушке. Я кинул аппарат на землю, мысленно простившись с ним навсегда. Бандит подобрал его и вернулся в оцепление.

Старый хохол поднялся и теперь с опаской выглядывал в окно из-за занавески.

– Я ведь тебя, хлопец, предупреждал, – покачал головой он. – Едва не накликал на нас беду.

– Волков бояться – в лес не ходить, – не совсем к месту ответил я.

– Ну гляди, тебе видней.

Я толкнул мужичка на верхней полке.

– Жив, парень?

Тот заворочался, проворчал что-то нечленораздельное и повернулся лицом к стенке. Мол, отвалите от меня все. Значит, жив, успокоился я.

Когда прозвучала автоматная очередь, в вагоне вновь раздался крик и визг. Из коридора не доносилось ни звука – пассажиры, похоже, затаились в своих купе в надежде, что беда минует их. Я вспомнил про Наташку Самойлову. Интересно, как она сейчас там?

В поезде и вокруг него что-то происходило. Откуда-то издалека изредка доносились выстрелы. Я не рисковал высовывать голову в разбитое окно, чтобы не провоцировать этих уродов в масках и не схлопотать ненароком пулю. А без этого я не имел возможности следить за ходом развития событий. Приходилось только ждать и рассчитывать на благополучный исход.

Что хотели эти люди? Взять в заложники целый поезд было нереально. Держать нас под прицелом длительное время тоже было бы верхом глупости – в любой момент могли нагрянуть спецподразделения по борьбе с терроризмом и легко обезвредить бандитов. Если они решили ограбить поезд (на память сразу пришли добрые старые времена Гражданской войны), то это надо было делать оперативно и очень быстро. Однако никаких грабежей не было – по крайней мере, в наш вагон они не сунулись. Простая логика подсказывала, что они должны исчезнуть в самое ближайшее время, иначе момент будет упущен и уйти им просто не дадут.

Я терялся в догадках, цель акции была для меня совершенно неясна. И именно это тревожило меня больше всего. Я стоял в глубине купе и потому мог наблюдать лишь незначительный фрагмент того, что происходило у поезда. Мне был виден один из «бэтээров» и джип, на котором прикатил однорукий главарь. Сам главарь куда-то исчез.

Внезапно вид из окна изменился. В поле моего зрения снова попал однорукий, а вместе с ним ещё группа вооружённых бандитов. Но меня привлекли не они, а человек в штатском, которого конвоировали люди в масках. Он шёл явно не по своей воле, то и дело подгоняемый пинками и тычками стволов автоматов. До меня наконец дошло: его сняли с поезда. Этот человек и был целью операции. Хотел бы я знать, кем был этот незнакомец, если ради него боевики устроили такую серьёзную кутерьму!

Эх, жалко нет фотоаппарата! И тут меня осенило. Ё-моё, у меня же есть мобильник с очень неплохой цифровой оптикой! Нет, свой шанс я всё-таки не упущу. Не трата времени на пустые раздумья, я вынул мобильник из кармана и пристроился за занавеской, потеснив старого хохла в сторону. Теперь-то уж я таким лохом не буду, теперь будем действовать по всем правилам конспирации.

– Опять? – угрожающе произнёс старик.

– Отстань, дед, – отмахнулся я.

Я навёл объектив на группу людей в масках. Штатского к тому времени уже усадили в джип, к «бэтээрам» в спешном порядке подтягивались остальные бандиты. Так, снимают оцепление, отметил я про себя. Скоро уйдут.

В этот момент однорукий главарь, прежде чем занять место в джипе, в последний раз оглянулся на поезд. Щелчок – и его скрытая под маской физиономия попала в мой кадр. Единственный кадр, который я успел сделать.

Не прошло и минуты, как бандиты убралась восояси. Укатали на своих «бэтээрах» чёрт знает куда. Я вздохнул с облегчением и опустил на койку. Кажется, всё обошлось. Если честно, я ожидал худшего. Теперь можно и расслабиться.

Но прежде надо было закончить одно дело. Я снова достал мобильник, установил соединение с Интернетом и отправил полученный снимок на адрес своей электронной почты. Страхование никогда не помешает.

Дверь распахнулась. С глазами круглыми, как у филина, в купе ворвалась Наташка Самойлова.

4.

– Ванечка, дорогой, я ничего не понимаю! – закричала она. – Это что... что это было?

– Бандиты. Успокойся, всё уже позади. У вас там все целы?

– Успокойся? Да ты с ума сошёл! Ты мне можешь что-нибудь объяснить?

Я пожал плечами.

– Мне известно не больше твоего. Не паникуй, Наташа, возьми себя в руки.

– Они в нас стреляли! – взвизгнула она.

– Не в вас, а в меня.

– И ты так спокойно об этом говоришь? Дурдом какой-то!

Она всплеснула руками и убежала к себе в купе. А я отправился на разведку.

Поезд не трогался с места. Возможно, они перестреляли бригаду машинистов или, в лучшем случае, вывели из строя какие-нибудь приборы, необходимые для управления движением состава. Я терялся в догадках. Из соседних купе слышался плач, кто-то из женщин бился в истерике. Обычная запоздалая реакция на опасность, которая уже не представляет угрозы. Несколько мужчин вышли в коридор, лица у всех были серьёзные, сосредоточенные. Говорили мало, курили прямо здесь, в коридоре, нарушая привычный порядок. Но никто не обращал на это внимания. Люди постепенно приходили в себя, начиная, наконец, осознавать, что опасность миновала.

Откуда-то пришло известие, что поезд будет стоять до чьего-то особого распоряжения. Выяснилось, что бригада машинистов цела, приборы в исправности. Начальник поезда с кем-то там связался, и к нам уже едут какие-то лица, облечённые властью и полномочиями. А пока мы должны ждать.

Я здраво рассудил, что ждать нам придётся долго, а потому сидеть в душном вагоне не имело никакого смысла. Я протиснулся в тамбур, открыл дверь наружу и спрыгнул на насыпь.

Погода стояла великолепная. Солнце палило уже совсем по-летнему, белоснежные барашки наперегонки ползли по голубому небу, а под ними земля набухла зеленью и новой жизнью, пришедшей на смену суровой зиме. Я взглянул на часы. Четырнадцать тридцать. День в самом разгаре.

Я шёл вдоль состава. На некоторых вагонах остались следы пуль. Однако стреляли они не по людям, а для острастки, догадался я, вынуждая пассажиров сидеть в своих купе и не высовываться. Что ж, вполне гуманно. Это ещё раз подтвердило мою версию о том, что цель бандитского налёта – тот незнакомец в штатском, которого они увезли с собой. Наверное, важная птица, если ради него они отважились на такую дерзкую авантюру.

Навстречу мне начали попадаться люди. Их становилось всё больше и больше. Пассажиры покидали состав. Они в бессилии опускались на траву, ложились навзничь и тупо смотрели в весёлое майское небо. Мужчины уничтожали дорожные запасы спиртного. Кто-то тащил свой багаж, наотрез отказываясь возвращаться в этот кошмарный поезд, в котором они натерпелись столько страха. Проводники сновали вдоль состава и как могли успокаивали людей, которые доверили им свои жизни и за которых они были в ответе.

Я заметил группу людей и подошёл к ним. Пробравшись в середину, я увидел лежащего на траве человека. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он мёртв. Его прошило сразу несколько пуль. Та, что попала в голову, разворотила полчерепа. Он лежал в луже крови, чёрной и густой, как мазут. Кровь на горячем солнце быстро сворачивается.

– Они его подстрелили, когда он пытался выпрыгнуть в окно, – сказал кто-то.

– Он ехал один? – спросил я.

– Жена в купе осталась, лежит без сознания. Там возле неё врач, из пассажиров.

Вот и первая трагедия. Значит, одними страхами мы всё-таки не отделались, бандитский налёт унёс жизнь одного из нас. Вся история приобретала совершенно иной оттенок.

Через полчаса транспортные вертолёты высадили десант военного спецназа. Следом прилетели какие-то люди в штатском. Нас настойчиво попросили занять места в своих вагонах, и состав, начинённый спецназовцами, медленно тронулся в путь. В тот момент у меня возникло смутное подозрение, что военные выполняют роль не столько наших защитников, сколько охранников. В дальнейшем мои подозрения подтвердились.

Когда мы прибыли в ближайший город, сопровождавшие нас военные разместили всех пассажиров в здании местного вокзала и порекомендовали никому не расходиться. Надо ли объяснять, что рекомендация в устах вооружённого до зубов спецназовца звучит как откровенный приказ?

Потом прибыл представитель ФСБ и провёл краткую беседу с каждым из нас. А пока я ждал своей очереди, то с удивлением обнаружил, что город, в который нас занесло – это Синегорск.

Город, в котором я родился...

5.

«Фээсбэшник» тщательно изучил мой паспорт.

– Давно вы уехали из города?

– Давно. Сразу после службы в армии.

– Живёте в Москве?

Я кивнул. После некоторого раздумья он вернул мне паспорт.

– Иван Петрович, у меня к вам просьба. Мы должны опросить всех свидетелей этой трагедии. Не покидайте город до особого нашего распоряжения.

Я пожал плечами.

– Срок моей командировки истекает завтра. Я должен отчитаться перед шефом о проделанной работе. Если я не вернусь вовремя, у меня будут неприятности.

– Об этом не беспокойтесь, мы решим эту проблему. Если у вас нет других возражений, я попросил бы вас задержаться в Синегорске.

– На сколько?

– Думаю, не больше недели.

Я снова пожал плечами.

– Надо так надо. Готов оказать вам посильную помощь.

– Вот и хорошо. В самое ближайшее время вас вызовут для дачи свидетельских показаний.

– Я ещё не знаю, где остановлюсь.

– Ваша знакомая, Наталья Степановна Самойлова, сообщила, что вы можете остановиться у неё. – Он многозначительно посмотрел на меня. – Если вы не против.

Я в третий раз пожал плечами.

– Я не против.

– В таком случае, Иван Петрович, я вас больше не задерживаю.

Меня беспрепятственно выпустили из здания вокзала. Я вышел на привокзальную площадь и беспомощно огляделся. Город, в котором я родился, стал чужим. Почти двадцать лет минуло с тех пор, как я его покинул. За этот срок всё здесь изменилось до неузнаваемости. А, может быть, это я изменился? Сколько раз мне снился дом на окраине Синегорска, в котором я вырос, тихие улочки, по которым я гонял с ватагой таких же сорванцов, вереница пирамидальных тополей, уходящая вдоль трассы в степь, туда, где горизонт обрамляла цепочка синих гор. Как я хотел оказаться здесь снова! И вот я здесь, но ничего, кроме тоски по прошлому, я не испытывал. У меня было такое чувство, что меня обманули. Что ж, всё верно, детство бывает только один раз, вернуться в него не дано никому.

Неделя. Он сказал, что мне придётся задержаться здесь на неделю. А Вера с Васильком ждут меня уже завтра утром. Надо им позвонить, чтобы они не волновались.

Я набрал номер московской квартиры. Слава Богу, Вера оказалась дома.

– Верунчик, привет! Как там у вас дела?

– Ванюша, как хорошо, что ты позвонил! У нас здесь всё хорошо. Василёк целыми днями носится с ребятами по двору. А ты уже скоро?

– Вера, меня задержали в Синегорске. На неделю. Тут у нас ЧП, понимаешь, и мне надо давать свидетельские показания.

– Что, опять ЧП? Опять ты попал в какую-то историю? Везёт же тебе, Рукавицын, на приключения.

Я рассмеялся.

– Видать, карма у меня такая. Ты, Верочка, главное, не волнуйся. Со мной всё в порядке.

– А с работой как? Что мне говорить, если будут звонить?

– С работой я улажу, не беспокойся. Ты лучше себя береги, и Ваську. А я буду звонить. Всё, Верунчик, пока.

Я дал отбой. И тут же услышал, как меня кто-то окликнул.

– Ванечка! Рукавицын!

Это была Наташка Самойлова. Увидав, что я её заметил, она замахала рукой.

Я отыскал глазами Руслана и обоих его сыновей. Семейство в полном составе ожидало на стоянке такси. Пацаны всё так же резались в тетрис, совершенно не реагируя на то, что происходит вокруг. Я неторопливо достал сигарету, закурил. Не будем торопиться, подождём, пускай лучше сама подойдёт. Есть у меня к ней пара вопросов, тет-а-тет.

Как я и предполагал, Наташка не выдержала и подбежала сама.

– Ну ты едешь, или на вокзале ночевать собираешься? – спросила она как ни в чём ни бывало.

– Значит, за меня уже всё решила, да?

– Ну и решила, а что тут такого? Или у тебя есть, где остановиться? Не беспокойся, Вань, ты нас не стеснишь. Места у нас хватит, всё равно одна комната пустует.

Остановиться мне, действительно, было негде. Однако я не привык, чтобы за меня кто-то что-то решал. Кроме того, меня смущал Руслан. Почему-то он меня невзлюбил.

– Твой муж, по-моему, не в восторге от этой идеи. Странный он у тебя какой-то. Чего он на меня всё бычится?

Она покосилась на супруга.

– Очень он у меня ревнивый, понимаешь. Достаточно какому-нибудь мужику кинуть на меня взгляд, как он уже мрачнее тучи. А тут бывший одноклассник...

– Вот видишь. Нет, я уж лучше в гостиницу.

– Ещё чего! И речи быть не может. А Русланчик как-нибудь переживёт, ему это даже на пользу.

Я усмехнулся.

– Клинь клином?

– Надо же как-то с этим кончать. Понимаешь, жалко мне его. Он от своей ревности страдает больше, чем я. Всё ведь понимает, а поделать с собой ничего не может. Как кролик, который против воли в пасть к удаву идёт. Хоть бы раз скандал закатил, так нет, всё молчит, дуется, неделями может не разговаривать. А в последнее время пить пристрастился. Так-то он у меня хороший, добрый, светлая голова, да и любит он меня. Между приступами ревности – совсем другой человек, внимательный, весёлый, заботливый. А как накатит... – она махнула рукой.

– Повода ему не давала?

Наташка хитро прищурилась.

– Он об этом не знает. Один раз, давно. Но ты смотри, ему ни слова! – испуганно спохватилась она.

– Мы старых друзей не сдаём, – улыбнулся я.

– Сам ты старый, – ткнула она меня кулачком в бок. – Ну что, едем?

Я развёл руками.

– Ну раз уж ты всё решила... Едем!

Руслан тем временем исподлобья наблюдал за тем, как мы шепчемся с Наташкой. Если он меня сегодня не убьёт, я расценю это как чудо. Впрочем, убивать – это не в его характере. Скорее напьётся.

Мы подошли к остальным.

– Руслан, – заявила Наташка тоном, не терпящим возражений, – Ванечка на несколько дней остановится у нас. Надеюсь, ты не будешь возражать.

Руслан возражать не посмел.

– Конечно... оставайся... – через силу выдавил он и окончательно сник.

Я поймал Наташкин взгляд. Она незаметно кивнула: мол, всё нормально, не бери в голову.

А тут как раз и такси подкатило.

– Садимся! – скомандовала моя бывшая одноклассница.

6.

Синегорск начал строиться в конце сороковых, сразу после войны, и к середине пятидесятых обрёл статус города. Городок был небольшой, тысяч на сорок жителей. Градообразующим предприятием был НИИ экспериментальной химии, который аборигены именовали просто «химией». «Где работаешь? – «Да на химии!» – и этим всё было сказано. Территория НИИ была обнесена высоким бетонным забором с тремя рядами колючей проволоки, и постороннему человеку проникнуть туда было невозможно. Одно слово – режимный объект. Институт находился за чертой города, в очень живописном месте: рядом – небольшая речушка, в которой на моей памяти ещё водился карп, вокруг – уютный лесок, пожалуй, единственный на всю округу. А дальше, до самого горизонта – степь, исчерченная рядами пирамидальных тополей, вдоль которых тянулись автотрасса и железнодорожная ветка. В бытность мою ещё босоногим пацаном я жил на окраине города, в четверти часа бега от института. Вообще, весь город можно было пройти от края и до края минут за сорок. В центре преобладали дома сталинской постройки, добротные, солидные, как и всё, что строилось в период правления Вождя народов. Позже окраины обросли коробками стандартных «хрущёвок». В одной из них как раз и жила наша семья – я и моя мать.

С самого начала Синегорск планировался как город учёных, таким он и был в советское время. Таким он и оставался, когда я его покинул. Каким он стал сейчас, я не знал. Скорее всего, «химию» закрыли как предприятие низкорентабельное, а город превратился в обычную серую провинциальную дыру, каких сейчас на Руси сотни и тысячи. Впрочем, я могу и ошибаться.

В ясную погоду далеко на горизонте можно различить цепочку тающих в синеватой дымке гор. Говорят, именно это и дало городу такое романтическое название...

До Наташкиной квартиры было рукой подать, и мы докатили за пять минут. Затащили багаж, хозяйка показала мне мою комнату.

– Располагайся, Ванечка. Чувствуй себя, как дома. Кормёжку я обеспечу, можешь не волноваться.

– Не удобно как-то, Наташ. Не привык я на халаву. Может, я заплачу?

– Засунь свои деньги знаешь куда? У меня и своих хватает. Забыл, где я работаю? Да и Руслан неплохо зарабатывает. На «химии» сейчас неплохо стали платить.

– Так «химия» ещё действует? – удивился я.

– И даже процветает.

– Надо же! А я думал, прикрыли её давно. Наука сегодня, сама знаешь, не в почёте. Вот торговля – это другое дело. Торгаши нынче – первые люди на Руси.

– Это ты про меня, что ли?

– Да нет, это я так, образно. Просто удивительно, что «химия» сумела выстоять во всём этом вселенском бардаке.

– Наш институт на особом положении. Говорят, там ведутся какие-то серьёзные разработки, имеющие стратегическое значение. Словом, на оборонку работают. Только это государственная тайна.

– О которой, небось, талдычит весь город, – улыбнулся я.

– Ты же знаешь, Синегорск – это большая деревня.

За спиной Наташки выросла фигура Руслана.

– Пойдём, Иван, отметим, что ли, наше знакомство, – сказал он, в упор глядя на меня.

– Так вы ж уже отмечали, – заметила Самойлова.

– Так то в поезде, а здесь дома, культурно, за столом, как белые люди, – возразил он.

– А что, пойдём, – принял я вызов. – За знакомство всегда не грех выпить.

В конце концов, чем чёрт не шутит? Может, отгадет Русланчик, перестанет видеть во мне столичного «дон жуана», подбирающегося к его благоверной? Застолье, как известно, наивернейший путь к налаживанию отношений.

К вечеру мы изрядно накачались. Наташка старалась вовсю, чтобы контакт состоялся. В тот день мне показалось, что лёд наконец сломен и Руслан пошёл со мной на мировую.

Однако наутро он снова смотрел на меня волком, чему в немалой степени способствовал тяжёлый похмельный синдром – результат вчерашних обильных возлияний. Я целых полчаса стоял под холодным душем, пытаюсь выветрить из больной головушки алкогольный дурман. Из ванной я вышел уже другим человеком – бодрым, посвежевшим. От лечебных ста грамм, предложенных Наташкой, я наотрез отказался – опохмеляться было не в моих правилах.

Потом позвонил на работу и сообщил шефу, что непредвиденные обстоятельства вынуждают меня задержаться в командировке на несколько дней. В ответ он объявил, что на работу я могу не возвращаться, так как он меня увольняет. Я возразил, что причиной моей задержки является дело государственной важности. Он ответил, что пусть теперь государство и заботится о моём трудоустройстве, и положил трубку. Ладно, приедем – разберёмся. Зная его вспыльчивый характер, я нисколько не сомневался, что шеф изменит своё решение, как только немного остынет. А не изменит – не очень-то и расстроюсь: специалисты моего профиля сейчас нарасхват. Не будем забивать голову всякой чепухой.

Сегодня я решил совершить экскурсию в прошлое. Уже сколько лет я собирался посетить родные пенаты, из которых когда-то выпорхнул в большую жизнь, но всё никак руки не доходили. То одно, то другое, то третье... Со временем это намерение превратилось для меня в идею-фикс, в некую мечту, которая с каждым уходящим годом становилась всё несбыточней. А тут такой случай выпал! Ну как им не воспользоваться? Как говорится, нет худа без добра.

Я объявил хозяевам, что отправляюсь на продолжительную прогулку по местам былых воспоминаний и что к обеду вряд ли вернусь. Оставил Наташке номер своего мобильного на случай, если меня будут разыскивать сотрудники городского отдела ФСБ. В конце концов, я сюда не прохлаждаться приехал, а для дачи свидетельских показаний.

Через город я шёл пешком. Сердце щемило от нахлынувшей ностальгии, при виде знакомых улочек, скверов и архитектурных изысков сталинской эпохи на глаза наворачивались слёзы умиления. И чем больше я приближался к родному микрорайону, тем громче стучало моё сердце.

Пятиэтажная «хрущёвка», в которой когда-то мы жили вдвоём с матерью, стояла на улице Декабристов. Дальний её конец уходил в степь, за черту города, и в итоге упирался в лесок, в котором прятался НИИ экспериментальной химии. Почему улица носила такое название и какое отношение декабристы имели к нашему городку, никто не имел ни малейшего понятия.

Городская окраина, на которой стоял наш дом, изменилась мало. Вот только дома вокруг как-то посерели и вроде как стали меньше ростом, словно вросли в землю. Во дворе, на клумбах, всё так же росли неказистые анютины глазки и гордые ирисы, на подъездных скамейках, как и прежде, сидели вечные старушки и перебивали косточки всем, на кого падал их всевидящий взгляд. Как и двадцать лет назад, двор утопал в зелени. Нежным цветом цвели белоснежные вишни, высоченные акации стремились в небесную высь, птицы вили гнёзда под сенью густых крон.

Я нашёл беседку, в которой из поколения в поколение местные мужики резались в домино. Однако сегодня там было тихо. За обшарпанным столиком сидели два алканавта бомжарского вида, причём один уронил голову на газету с очистками от воблы и спал, а второй молча тянул пиво из бутылки и курил. Оба неопределённого возраста, небритые, грязные, одеты чёрт знает во что.

Я хотел было пройти мимо, однако тот, что курил, окликнул меня:

– Эй, мужик, дай двадцарик на пиво. Трубы горят, хоть стреляйся.

Я остановился, внимательно взгляделся в этого типа. Что-то неуловимо знакомое мелькнуло в его пропитой физиономии. И вдруг меня осенило.

– Колька! Евсей!

– Для кого Колька, а для кого Николай Александрович. А ты кто такой будешь?

– Ты что, не узнал меня? Это же я, Ванька Рукавицын!

– Какой такой Рукавицын? Не знаю никакого Рукавицына.

– Да ты вспомни, Евсей! Мы ж с тобой в одном классе целых десять лет штаны протирали.

Мужик сделал длинный глоток из бутылки, потом смачно рыгнул.

– Врёшь, мужик, Рукавицын в Чечне сгинул.

– Никуда я не сгинул. Живой я, понимаешь.

– А вот мы сейчас проверим. Как звали нашу англичанку?

Я призадумался.

– Раиса Ивановна, – вспомнил я.

– А кликуха?

– Пирамида.

– Верно толкуешь, братан. Ну здравствуй, Ванюха. – Он встал, схватил мою пятерню и крепко пожал. А силёнкой-то Бог его не обидел! – А я ведь и правда думал, что звиздец тебе в Чечне настал. Какой-то козёл вякнул, будто ты на «чеховской» мине подорвался.

– Так ведь и подорвался. Но живой же! А ты, я слышал, тоже в той мясорубке побывал?

– Ну побывал, а тебе чего?

– Не груби, Евсей. По контракту?

– По нему самому. Слышь, Ваню, давай тему закроем. Дерьмо всё это.

– Дерьмо. Только никуда ты от этого дерьма не денешься. И из памяти не вычеркнешь.

– Я вычеркнул.

– Водкой?

– Слушай, Рукавица, если ты мне мораль приехал читать, то пошёл на хрен. Как-нибудь без таких умников проживу.

– Ты на кого злишься, Колян? На меня? Так я из такого же теста, как и ты. На себя? На жизнь?

– Хочешь, чтобы я тебе врезал? Я могу.

Я махнул рукой. Вынул пару сигарет, одну протянул ему. Он взял. Мы закурили.

– Хреново выглядишь, Евсей.

– А ты чё, врач, что ли?

– Пьёшь-то зачем? Что, память в водке думаешь утопить? Не поможет, я пробовал.

– Пью, потому что хочу. Потому что свихнусь, если пить не буду.

– Дешёвые отмазки, Колян.

– Дешёвые, говоришь? – Он сжал свои кулачищи и двинулся на меня. – А как, скажи, жить, когда перед глазами всё время пацаны мои стоят, которых я на бойню послал? Знал ведь, что на смерть посылаю, а послал. И ведь ни один не вернулся, слышишь! Ни один! А знаешь, почему? Потому, что те подонки, что всё это дерьмо замесил, всех нас продали – и тебя, и меня, и тех пацанов, что навсегда там остались, и всю эту грёбаную войну.

– Знаю, – тихо, но отчётливо сказал я. – Только не стоят они, эти подонки, того, чтобы жизнь свою из-за них гробить.

– Не стоят. Но я по-другому не могу, – глухо отозвался Колян. – Пить будешь?

Я мотнул головой.

– А я выпью, – сказал он и вынул из кармана бутыл с какой-то розовой жидкостью. Хлебнул прямо из горла, в три глотка опорожнив её всю. До меня донёсся резкий запах какого-то синтетического пойла. Потом кинул в рот горсть каких-то таблеток.

– Это ещё зачем? – спросил я, нахмурившись.

- Активированный уголь. Иначе коньки отбросишь.
 - А что это за бормота?
 - Не знаю. Но забирает по-чёрному. Мы её на «химии» берём.
 - Подохнуть не боишься?
 - Не боюсь. Потому никак и не подохну. Может, тяпнешь?
 - Нет, уволь, мне ещё жить охота. И как же вы её оттуда таскаете? Там же закрытый объект. Забор, сигнализация, колючая проволока и всё такое прочее.
 - А про наш ход забыл? Помнишь, как пацанами мы по нему на «химию» лазали, как там в десантников играли?
 - Помню.
 - И я запомнил. Потому, наверное, и в десантуру пошёл.
- Он снова помрачнел.

Я вспомнил. Вспомнил про наш ход, который вёл на территорию института. Начинался он в глубоком овраге, метрах в двухстах от периметра «химии», и заканчивался в одном из складских помещений, в котором хранилось множество различных химикатов. Мы, пацаны, обнаружили этот подземный ход в густых зарослях крапивы, буйно разросшейся на дне оврага. Вход был крохотным, узким, его едва хватало, чтобы протиснуться гибкому ребёнку, зато внутри ход превращался в настоящий тоннель. Прямой, как стрела, забетонированный, с вентиляционными вытяжками, он напоминал тоннель метро. Тогда мы, естественно, не задумывались, откуда он здесь взялся. Тайком пробирались на «химию», представляя, что находимся на вражеской территории, иногда таскали оттуда химикаты и мастерили из них «бомбочки», которые, естественно, не взрывались. Однажды, когда мы пытались сделать «царскую водку», серной кислотой одному из нас сожгло руки, он попал в больницу, однако на пристрастные вопросы взрослых ни сам пострадавший, ни мы, его друзья, ни словом не обмолвились, откуда у нас взялся этот реактив. Так никто и не узнал про подземный ход, а потом, когда мы повзрослели, и сами о нём забыли.

Зазвонил мобильник. Это была Наташка.

- Ванечка, следователь звонил. Просит срочно явиться к нему.
- О'кей, еду.

Я оказался в числе первых, с кого решили снять свидетельские показания. И я догадывался, почему: во-первых, БТРы бандитов остановились как раз напротив окна купе, в котором я ехал, и я вполне мог видеть подробности, скрытые от взоров других пассажиров, во-вторых, именно по моему окну стреляли люди в масках. Я мог оказаться наиболее интересным свидетелем.

Я не ошибся в своих предположениях.

7.

– Садитесь, господин Рукавицын, – предложил «фээсбэшник».

Я сел. В кабинете находился ещё один человек, который при моём появлении упёрся в меня тяжёлым немигающим взглядом. Во время дознания он большей частью молчал. Из Москвы, предположил я.

– Иван Петрович, ваши показания могут оказаться очень важными, поэтому я решил опросить вас в первую очередь.

– Я готов ответить на ваши вопросы.

– Меня зовут Андрей Васильевич, – представился он. – Андрей Васильевич Скворцов.

Я кивнул.

– Итак, Иван Петрович, расскажите, что вам известно о вчерашних событиях.

Я во всех подробностях рассказал всё, что видел вчера из окна вагона, начиная с появления БТРов и кончая их отбытием. Он внимательно слушал и изредка что-то записывал в свой блокнот. Когда я закончил, он начал задавать вопросы.

– Вам удалось разглядеть человека, которого они увезли с собой?

Я помотал головой.

– К сожалению, нет. Он всё время был ко мне спиной. Сутулый, среднего роста, в сером пиджаке. Увы, это всё.

– Как они с ним обращались? Грубо или, напротив, вежливо?

Я задумался.

– Пожалуй, грубо, хотя, на мой взгляд, это было вызвано скорее спешкой, нежели личной неприязнью.

– А человека, который руководил действиями бандитов, вы хорошо разглядели?

– Да как вам сказать... Он был в маске. Как, кстати, и все остальные.

– А какие-нибудь особенности, отличительные детали? Может быть, он чем-то выделялся?

– Внешне он ничем не отличался от остальных. Если только поведением.

– Вспомните, может быть, в глаза бросилась какая-нибудь деталь одежды?

И тут я вспомнил.

– Не уверен, но, мне кажется, у него на голове была зелёная повязка.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Вы ведь воевали в Чечне, Иван Петрович?

– Я понимаю, куда вы клоните. Да, повязка была похожа на те, что носят моджахеды. И ещё одна деталь: у него не было правой руки.

– Вы это точно видели? – он подался вперёд, буквально сверля меня взглядом.

– То, что у него не было руки? Абсолютно. У вас что, уже есть предположения, кто это мог быть? – в свою очередь спросил я.

– Только предположения.

– Исламисты?

Он замялся.

– Иван Петрович, в интересах следствия я оставляю ваш вопрос без внимания. Более того, о своих догадках попрошу ни с кем не делиться. Договорились? Вот и хорошо. Следующий вопрос: вы так и не вернули свой фотоаппарат?

– Увы. Они увезли его с собой. Хороший был аппарат. И, главное, дорогой.

– Жаль, очень жаль, – разочарованно произнёс Андрей Васильевич.

И тут в памяти вновь всплыл фрагмент вчерашних событий.

– Я снял его на сотовый.

«Фээсбэшник» резко выпрямился, словно от удара током.

– Он у вас с собой?

– Да. Только для вас он бесполезен: я стёр информацию из его памяти. – Я кивнул на компьютер, который стоял на письменном столе. – Разрешите воспользоваться вашей техникой?

– Да, конечно, – после некоторого раздумья произнёс он. Закрыв на экране монитора все открытые окна, чтобы я ненароком не подглядел секреты самого секретного ведомства страны, он уступил мне кресло, сам при этом встав у меня за спиной.

– Интернет подключён?

Он кивнул.

Я ввёл пароль и открыл свой почтовый ящик. Последнее сообщение содержало графический файл. Кликнув по нему, я во весь экран развернул фото главаря бандитов. То единственное фото, которое я успел сделать с помощью моего мобильного.

– Вот он.

Но он уже не слушал меня. Молча, не моргая, «фээсбэшник» пялился в экран. Похоже, своим фото, выуженным из Интернета, я произвёл на него серьёзное впечатление.

Наконец, оторвавшись от монитора, он с интересом посмотрел на меня.

– А вы опасный человек, Иван Петрович.

– Опасный для врагов, – заметил я.

– Надеюсь, мы к их числу не относимся?

Я усмехнулся.

– Я что, похож на сумасшедшего?

– Вы оказали нам неоценимую помощь, – продолжал Скворцов, не обратив внимания на мою реплику. – К сожалению, вы единственный из пассажиров, кто хоть что-то видел, остальные при первых же звуках выстрелов попрятались в своих купе. Разумеется, мы только начали опрос свидетелей, однако я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь смог рассказать больше, чем вы. Поэтому нам, возможно, придётся ещё раз побеспокоить вас.

– Андрей Васильевич, вы обещали сообщить на мою работу о том, что я задерживаюсь, – вспомнил я.

– Оставьте номер телефона вашего руководства, мы обязательно с ним свяжемся. А сейчас можете быть свободны. Я вас больше не задерживаю, Иван Петрович.

– Одну минуту, – внезапно заговорил молчавший до сих пор «москвич». – Господин Рукавицын, с какой целью вы находились на территории Чеченской республики в январе этого года?

Мне совершенно не понравился его тон. Да и сам он внушал мне острую неприязнь.

– Я обязан отвечать на этот вопрос? – спросил я холодно.

– Обязаны. Я жду ответа.

– Ко вчерашним событиям это не имеет никакого отношения.

– Позвольте мне самому решать, что имеет к ним отношение, а что не имеет. Итак?

– Руководство вашего ведомства располагает необходимой информацией. Сделайте запрос, и вы получите нужные вам сведения.

Он буквально жрал меня глазами. Похоже, мой ответ пришёлся ему не по вкусу. Мне даже показалось, что он растерялся.

– Только хочу предупредить, – продолжал я насмешливо, намереваясь окончательно добить противника, – рядовые сотрудники Конторы, – я специально употребил это обиходное наименование ФСБ, расхожее среди сотрудников ведомства, – к этой информации доступа не имеют. А если рядовой сотрудник всё-таки попытается её получить, то завтра же будет уволен.

Он аж побагровел при слове «рядовой».

– Я могу быть свободен? – поставил я последнюю жирную точку под своим выступлением. Наверное, я всё-таки сумасшедший, если только что заполучил здесь, в стенах Конторы, врага.

– Вы можете быть свободны, господин Рукавицын, – выдавил наконец из себя этот тип, – однако город прошу не покидать до особого нашего распоряжения.

– Распоряжения? – я пожал плечами. – Может быть, мне ещё подписку о невыезде дать?

Во всё время нашей перепалки Скворцов невозмутимо и очень внимательно, будто находится в помещении один, рассматривал вид за окном – глухую кирпичную стену какого-то предприятия.

– Вы свободны, господин Рукавицын.

– Разумеется. – Не мог же я оставить последнее слово за ним!

Не простившись, с гордо поднятой головой, я покинул стены этого гостеприимного заведения. И только оказавшись на улице, я почувствовал, как откуда-то изнутри, от самой печёнки, к горлу подкатывает злость.

Оказывается, и в моём родном городе кретинов достаточно.

8.

Домой я не пошёл. Под «домом» я, ясное дело, понимал хату Наташки Самойловой. До вечера было ещё далеко, а лишний раз встречаться с ревнивым Русланчиком мне не хотелось. Поэтому решил перекусить в какой-нибудь кафешке, где-нибудь в центре города. Сказано – сделано. Общественный транспорт здесь, конечно же, ходил, но, привыкший к московским масштабам, по городу я передвигался исключительно пешком. Кроме того, я не мог отказать себе в удовольствии лишний раз прогуляться по своей «малой родине».

Мне удалось отыскать уютное заведение, вполне приличное даже по столичным меркам. Кафе утопало в зелени, часть столиков под тентами было вынесено на улицу, прямо на тротуар, и обнесено импровизированной оградкой. Рядом проходил проспект Ленина – главная улица города. Словом, кусочек цивилизации в глухой провинции.

Я расположился за свободным столиком, заказал пива, пару бутербродов с красной рыбой, попросил принести утреннюю прессу. Имею я право посидеть в культурном месте как белый человек и хотя бы на четверть часа отвлечься от всех проблем? Попробуйте ответить, что нет.

В этот погожий майский день почти все столики были заняты. Люди отдыхали. По одному, по парам, а то и целыми семьями. Тут же, по тротуару, сновали прохожие, по проспекту мчались машины. Привычная картина.

Уткнувшись в газету, я не заметил, как за мой столик кто-то подсел. Чьё-то вежливое покашливание вернуло меня к реальности. Опустив газетную страницу, я встретился взглядом с моим попутчиком хохлом, который ещё тогда, в поезде, пытался накормить меня салом.

– Ну здравствуй, хлопчик, – приветливо улыбнулся он. – Значит, и тебя в городе задержали?

– Всех, – предположил я, – кто ехал в том поезде.

– Ну не скажи, – возразил он, – многих уже отпустили. Сняли показания – и адью.

Я пожал плечами.

– Им видней.

– Ты не против, хлопец, если я за твоим столиком пристроюсь?

– Место не куплено. Сиди, дед.

На голове его красовалась синяя бейсболка с аббревиатурой «NYC». Я криво усмехнулся. Мне захотелось его чем-то уколоть, да побольней.

– Что, дед, в НАТО собираешься вступать?

– Это ещё почему? – насторожился он.

Я кивнул на бейсболку.

– От кепки-то твоей душком американским отдаёт. «Нью-Йорк Сити» написано, сечёшь?

Он тут же снял её и швырнул на тротуар, под ноги прохожим.

– Я ответил на твой вопрос? – с вызовом сказал он и неожиданно рассмеялся.

Я опустил глаза. Мне стало стыдно. Действительно, и чего я к нему прицепился? Нормальный, в принципе, мужик, даром что хохол.

– А тебя, хлопец, уже вызывали? – спросил он как ни в чём не бывало.

Я кивнул.

– Вот и меня тоже. Тёмная, скажу я тебе, история. Ведь следов бандитов так и не нашли. А куда, спрашивается, здесь можно скрыться? Степь кругом на сотни километров.

Интересная мысль. Я внимательно посмотрел на старика. Он тем временем продолжал:

– Скрыться можно только в городе, здесь их и надо искать. Здесь, кстати, воинская часть стоит. Четыре БТР – это не иголка в стогу сена.

– Три, – поправил его я.

– Четыре. Ещё один стоял на переезде, перегораживая путь составу.

– Это они вам сказали? – я кивнул в ту сторону, где находилась городская резиденция ФСБ.

– Конечно, они. Не бандиты же.

А старик, видать, не промах! Выудить у «фээсбэшников» информацию – для этого нужен особый талант.

– Что вам ещё удалось узнать?

– А тебе-то зачем?

– Вы сами завели этот разговор, я вас за язык не тянул.

– Ну хорошо. Парни из госбезопасности так и не смогли установить личность человека, которого бандиты увезли с собой. Железнодорожный билет был куплен на подставное лицо, которое реально проживает в Новочеркасске. Скорее всего, похищенный уже заранее знал, что его ищут, и потому подготовился к нападению. Но бандиты всё равно его нашли.

Да, история, действительно, тёмная. Но меня она не касается. Я вынул пачку сигарет и с сожалением обнаружил, что она пуста.

– Отец, у тебя сигареты не будет?

– Не курю. Не имею такой привычки. Я всё больше по горилке, по домашней. С сальцом. – Он сделал ударение на последнем слове и хитро прищурился.

Я невольно улыбнулся. Ну и хитрец этот старикан! Поискал глазами, где бы можно было купить сигарет, но ничего не нашёл.

– Там, внутри, наверняка продают, – он кивнул на витрину кафе.

Я поднялся.

– Пойду, куплю.

В помещении кафе царил полумрак. Я подошёл к барной стойке, за которой на высоких табуретках сидели два местных пацана. Играла тихая музыка, уличный шум сюда не проникал, отсекаемый плотно закрытыми окнами и дверьми. За стойкой колдовал бармен, смешивая коктейли для пацанов. Я решил дожидаться, когда он закончит, а пока, чтобы как-то скоротать время, стрельнул сигаретку у парней.

Мне надоело наблюдать за манипуляциями бармена, и я уставился в окно. Сквозь стекло я видел людей, мирно сидящих за столиками, видел прохожих, спешащих по своим делам, видел проносящиеся мимо авто. Городская идиллия. Всё, как обычно.

Прямо напротив кафе притормозила чёрная «волга». Задняя дверца приоткрылась, из неё высунулась рука и швырнула небольшой пакет на тротуар. Пакет лопнул, в воздух тут же поднялось белесое облачко. Лёгкий ветерок разметал его вдоль тротуара, часть его проникла на территорию уличного кафе. Рука неизвестного захлопнула дверцу, «волга» резко сорвалась с места и укатила.

Я насторожился. Всё это мне совершенно не понравилось. Особенно этот белый порошок.

– Вы что-то хотели? – услышал я за спиной голос бармена.

– Сигарет, – машинально отозвался я, не оборачиваясь. – «Марльборо-Лайт». Две пачки.

– Сто рублей.

Я не глядя вынул из кармана купюру, кинул на стойку и почувствовал, как мне в ладонь легли две пачки сигарет.

– Спасибо.

Я во все глаза смотрел сквозь стекло. А там, на улице, творилось что-то непонятное.

Сначала люди начали кашлять. И прохожие, и те, что сидели за столиками. Потом кашель у них разом прекратился. И вот тут-то начался кошмар.

Парень лет двадцати, проходивший в тот момент мимо кафе, внезапно остановился, резко повернулся и ударил кулаком в лицо шедшего следом мужчину средних лет. Тот сва-

лился, но тут же вскочил и схватил своего обидчика за горло. Оба упали на асфальт, с обеих сторон посыпались глухие удары. Из разбитого носа мужчины лилась кровь.

Из-за ближайшего столика вскочил молодой человек, ловко перемахнул через ограду и начал яростно бить дерущихся ногами. Спешившая мимо девчонка лет восемнадцати вцепилась ему в волосы и буквально повисла на нём.

Из-за соседнего столика поднялся солидный отец семейства и обрушил бутылку из-под пива на голову моему знакомому, хохлу. Тот со стоном сполз со стула и упал под столик. Из разбитой головы хлестала кровь и, смешиваясь с пивом, собиралась в лужу.

Я и глазом моргнуть не успел, как драка захватила всех, кто в этот момент оказался на крохотном пятачке около кафе. Дрались здоровые мужики, дрались дети, дрались женщины, дрались тщедушные старики. В ход уже пошли ножи, металлические предметы, стулья. Людей охватило какое-то жуткое безумие, агрессия и страсть к уничтожению вспыхнули вдруг с такой яростной силой, что простые обыватели, мирные провинциальные горожане в одно мгновение превратились в злобных животных, кровожадных хищников, диких зверей, готовых рвать друг друга на части, терзать, убивать.

Вот какая-то старушка, божий одуванчик, ловко воткнула остриё старомодного зонтика в глаз крупному мужчине, который, истекая кровью, пытался подняться с земли – и тут же грохнулась сама, сбита с ног мощным ударом бейсбольной биты.

Выпучив глаза, я смотрел на это дикое побоище и ничего не понимал. *Этого быть просто не могло.* Нет, это всё какая-то страшная мистификация, чья-то идиотская шутка. Может быть, у меня просто крыша поехала?

Сквозь толстое стекло витрины до меня доносились вопли, нечеловеческое рычание, трёхэтажная матерная брань. Кто-то, видимо, с противоположного тротуара, истошно завопил: «Караул! Убивают!!»

Тут я услышал вой милицейской сирены. Ну наконец-то! Авто канареечного цвета резко затормозило, из него выскочило трое милиционеров. Размахивая дубинками, они ворвались в самую гущу дерущихся. Секунд десять я ничего не мог разобрать в этой куче-мале, а потом услышал выстрелы. Три выстрела подряд. Кто-то упал, ноги дерущихся теперь месили неподвижное тело. На мостовую выкатилась милицейская фуражка, следом с проломленным черепом вылетел её владелец. В поле зрения оказался ещё один блюститель порядка. С окровавленной щекой, в разодранном кителе, он выскочил из толпы и начал без разбору палить в людей. Потом медленно повернул голову в сторону кафе. Наши взгляды пересеклись. Я невольно отпрянул назад, к стойке.

Это были глаза безумца.

В баре двое парней, бледные, насмерть перепуганные, неподвижно сидели на высоких табуретках и широко раскрытыми глазами смотрели в окно. Но вот один из них сорвался и кинулся к двери.

– Стоять! – крикнул я. – Если откроешь дверь, то погибнешь!

Парень остановился уже у самого выхода. Видно, мой окрик на него подействовал. Я резко повернулся к бармену. Того трясла крупная дрожь.

– Второй выход есть? – заорал я на него. – Ну, живее!

Он неуверенно показал на дверь, ведущую во внутренние помещения.

– Там...

– Пацаны, быстро уходим! – скомандовал я. – Живо, живо, если жить хотите! И ты тоже, – кивнул я бармену.

– Я... не могу... – заблеял он, мотая головой. – У меня... касса...

– Забирай выручку и дуй отсюда, чтобы духу твоего здесь не было! – заорал я, взбешённый его тупостью.

Пацаны уже бежали к запасному выходу, бармен судорожно выгребал деньги из кассы. Я снова повернулся к окну – и увидел дуло пистолета, направленное мне точно в лоб. Милиционер целился в меня.

Я ничком свалился на пол – и тут же грянул выстрел. Огромное стекло, дрогнув, с жутким грохотом посыпалось вниз, осколки брызнули в разные стороны. В следующий момент я уже был на ногах.

– Вперёд, мать твою!! – крикнул я замешкавшемуся бармену и, не дожидаясь его, ринулся к выходу вслед за парнями. За спиной прогремел ещё один выстрел, и снова мимо.

Путаясь в коридорах, я наконец вырвался на волю и оказался на заднем дворе. В горле запершило, во рту появился какой-то сладковатый привкус. К горлу подкатил комок, я невольно кашлянул. И тут дикая ярость охватила меня.

– Ублюдки! Козлы вонючие!!! – заорал я, плохо соображая, на кого направлена моя злость.

Во двор с выпученными глазами выскочил бармен. Ага, ты-то мне и нужен! Я подскочил к нему и с размаху врезал кулаком в его мерзкую холёную рожу. На душе сразу полегчало. Парень грохнулся на землю, но тут же вскочил и с рычанием бросился на меня. Разбитые губы кровоточили.

Я приготовился было повторить свой выпад, но тут в мозгах что-то щёлкнуло. Словно тумблер переключил моё сознание в другой режим.

Стоп! Что я делаю?! Я заразился всеобщим безумием. Кашель, потом приступ звериной ярости – как и у тех, на тротуаре. Нет, не поддаваться инстинктам, держаться, держаться!

Это всё тот белый порошок! – вдруг осенило меня. Люди были отравлены каким-то сильнодействующим химическим составом, и я тоже глотнул этого адского зелья.

Только не сдаваться! Держать сознание под контролем!..

Отшвырнув в сторону бармена, прущего на меня, словно танк на минное поле, я проскользнул дворами на соседнюю улицу. Трезвый расчёт боролся в моём мозгу с вспышками спонтанной ярости. Я сделал несколько глубоких вдохов, пытаюсь как можно больше провентилировать свои лёгкие – ведь именно через лёгкие в организм попала эта мерзость. Слава Богу, я мог себя контролировать. Видно, я получил совсем небольшую дозу, которой не удалось сломить мою волю.

Я сориентировался, выбрал направление и помчался домой.

9.

– Кто там? – донёсся до меня из-за двери дрожащий от испуга голос Наташки.

– Да я это, я! – нетерпеливо отозвался я. – Рукавицын. Открывай!

Дверь чуть приоткрылась. Я рванул её на себя и влетел в квартиру. Наташка ойкнула и отскочила назад. Круглыми от страха глазами она смотрела на меня и нервно теребила в руках салфетку.

– Ты слышал? – шёпотом спросила она. И без её комментариев я понял, что она имеет в виду.

– Я видел, – сказал я. – А сама-то ты откуда знаешь?

– Подруга у меня живёт на проспекте Ленина. Она и рассказала, по телефону. Ванечка, дорогой, что происходит?

– Не знаю. – Я не счёл нужным говорить ей о своих догадках про белый порошок. Ведь я мог и ошибаться. – Похоже на массовое помешательство.

– Ужас какой! Я ничего не понимаю!

– Я понимаю не больше твоего.

– Говорят, милиция в людей стреляла. Прямо в толпу.

– Стреляла, – кивнул я. – В меня-то точно один стрелял. Еле ноги унёс.

– Как ты там оказался, Ванечка?

– В кафе зашёл посидеть, а тут как раз... – я запнулся, чуть было не сболтнув про чёрную «волгу», которая, я был уверен, и была виной сегодняшней трагедии.

– Что как раз? – насторожилась она. – Ты что-нибудь знаешь?

– Да ничего я, Наташка, не знаю. Всё это было так неожиданно и... противоестественно. Она не ответила. Я видел, что тревога не покидает её.

– Вот и Руслан куда-то пропал, – сказала Наташка. – С утра ушёл, даже не сказал, куда. Тревожно мне как-то. Завтра ему на работу, отпуск-то кончился, а его всё нет. Может, случилось что, а, Вань?

– Брось, Наташ, не накручивай себя, – сделал я неуклюжую попытку её успокоить. – Вернётся твой Руслан, помани моё слово.

Я оказался прав: с Русланом ничего не случилось. Целый и невредимый, он вернулся домой к вечеру. Наташка к тому времени совсем уже извелась.

– Слава Богу! – прошептала она, когда в прихожей затопали знакомые шаги. – Русланчик, миленький, что же ты так долго?

Он кинул на неё мрачный взгляд и молча прошёл в свою комнату. Вот сволочь! Жена места себе не находит, а он... Козёл ревнивый! Может, рожу ему набить?

Да ну его в баню. Пускай сами разбираются. Постороннему человеку влезать в семейные дразги – самое неблагодарное занятие, в конце концов сам же виноватым и окажешься. Я махнул рукой и ушёл к себе. День был слишком богат на события, нужно и меру знать. Пора и на боковую.

Утром, когда я проснулся, Руслана уже не было. Ага, догадался я, ушёл на свою работу. Что ж, пришла пора и мне собирать чемоданы. Хамство вчерашнего «фээсбэшника» давало мне моральное право покинуть этот город, даже вопреки его «распоряжению». В конце концов, меня дома ждут.

Пацаны, Митька и Витька (так звали Наташкиных сыновей, этих фанатов «тетриса») к тому времени уже ушли в школу. Их присутствие в квартире вообще не ощущалось: как правило, они сидели у себя в комнате перед компьютерами и резались в игры по сети. Их присутствие выдавал лишь грохот выстрелов из-за двери да электронные реплики героев «квейков», «думов», «коунтр-страйков» и «варкрафтов». Домоседы – на улицу за уши не вытянешь.

– Вань, иди скорей, глянь, что по телеку показывают, – услышал я Наташкин голос из соседней комнаты.

Городской канал ТВ транслировал передачу с места вчерашних трагических событий. Передали сводку: четверо погибших, среди них один милиционер и один ребёнок; тринадцать человек в больнице, пятеро очень тяжёлых. На месте происшествия работает следственная группа, причины трагедии выясняются. А виновные, конечно же, будут наказаны, – мысленно добавил я.

И всё. Никаких комментариев, никаких подробностей и версий. Сдержанно и официально.

В десять позвонили из ФСБ и пригласили Наташку для дачи показаний.

– Вань, поехали со мной, – сказала она, умоляюще глядя на меня. – Я одна боюсь.

Я ещё не объявил ей, что собрался уезжать. Кроме того, я не знал расписания поездов. Поэтому я решил несколько отсрочить свой отъезд. Поеду завтра, один день погоды не сделает. В конце концов, не бросать же её одну.

– Поехали, – сказал я.

– Спасибо, Ванечка. Ты настоящий друг.

Мы спустились вниз. Она вывела свою машину, села за руль. Я пристроился рядом. До городского отдела ФСБ было рукой подать, минут пять езды. Вероятность того, что за столь короткий отрезок времени с нами может что-нибудь случиться, была микроскопически мала, однако все законы и привычная логика переставали действовать, когда дело касалось меня. Похоже, я обладал какой-то феноменальной способностью притягивать неприятности. Так было и в этот раз.

Едва мы выскочили на улицу Менделеева, как шедший перед нами рейсовый автобус, на котором ехало в тот момент десятка два пассажиров, внезапно вильнул в сторону и на всей скорости боднул фонарный столб. Столб накренился, но не упал. Из салона автобуса до меня донеслись испуганные крики. Но не это привлекло моё внимание.

В салоне автобуса вспыхнула драка. Не какая-нибудь лёгкая разборка между двумя-тремя подвыпившими алкашами, а настоящая всеобщая драка. Дрались все без исключения, дрались отчаянно, яростно, насмерть. Мы видели сквозь стекло искажённые лица людей, их налитые кровью безумные глаза, отборная матерная брань неслась из автобуса, как из портового кабака. Откуда-то выскочила группа парней и словно по команде начала швырять в автобус камнями. На асфальт посыпались мелкие осколки калёного стекла. Несколько камней залетело в салон автобуса и вызвало новый взрыв агрессии среди пассажиров – словно злой мальчуган ткнул палкой в муравейник. «Отстрелявшись», парни одновременно кинулись враспынную.

Я распахнул дверцу авто.

– Сиди здесь! Не выходи отсюда, слышишь?

– Ты куда? – испуганно крикнула Наташка. – Не уходи!

– Я скоро!

Её была крупная дрожь. Однако мне некогда было её успокаивать. Выскочив из машины, я бросился вдогонку за одним из пацанов, который в этот самый момент прошмыгнул мимо нас. Бегал я хорошо и поэтому догнал его уже метров через двести. Увидев, что ему от меня не уйти, он резко остановился, повернулся ко мне лицом, обхватил голову руками и испуганно заверещал:

– Не бейте меня, дяденька!

Ему было лет четырнадцать, не больше. Я схватил его за руку, как следует встряхнул и, нависая над ним, грозно заорал в самое его ухо:

– Кто сказал вам это сделать?! Отвечай, щенок!

– Мужик какой-то. Я его не знаю. Дал нам сто баксов и сказал, что нужно обстрелять камнями вон тот автобус. Дяденька, я правду говорю! Отпустите меня, я больше не буду!

– Как он выглядел, этот мужик?

– Не знаю, я не запомнил. Чёрный такой, с усами. На грузина похож.

Так, ясно. На грузина. Кавказец, значит. Именно этого я и опасался.

– Ещё что-нибудь запомнил?

– Хвостик у него был, на затылке, как у Горца.

– У какого ещё горца?

– У Дункана Маклауда, из фильма «Горец».

– Тьфу, детский сад! – Я выругался. – Давай, дуй отсюда, – сказал я, отпуская парня. – И чтоб я тебя больше не видел, никогда. Ещё раз встречу, ноги оторву. Понял?

Он не ответил. Едва почувствовав свободу, он рванул из всех сил и нырнул в ближайший двор. А я поспешил назад. Наташка осталась одна, в двадцати метрах от избивающих друг друга безумцев. Если драка выплеснется из автобуса на улицу, ей грозит реальная опасность.

Я оказался не далёк от истины. Едва её машина оказалась в поле моего зрения, как я увидел, что несколько человек уже покинули автобус и продолжали драку возле него. Вот один из них, мощным ударом свалив своего противника, хищным взглядом окинул окрестности в поисках новой жертвы. Взгляд его упал на машину Наташки. Оскалившись, он двинулся к ней. В руке он сжимал металлический прут.

Я нёсся во весь дух. У машины мы оказались одновременно. Он не видел меня, и это дало мне значительное преимущество. Не сбавляя скорости, я влетел в него и сшиб с ног. Он отлетел в сторону метров на семь и грохнулся на асфальт. Я подскочил к дверце авто со стороны водителя и резко распахнул дверцу.

– Двигайся! – крикнул я Наташке.

Она тут же переместилась на соседнее сидение, уступая мне место за рулём. Я сел и до отказа вдавил педаль газа. Послушная машина рванула и понеслась прочь от этого страшного места.

10.

Я рывком распахнул дверь кабинета Скворцова. «Фээсбэшник» сидел за письменным столом и копался в бумагах. Он был один.

Он поднял глаза.

– Рукавицын? Я вас не вызывал.

– Оставьте, Андрей Васильевич. – Я шагнул к столу. – Сейчас не до церемоний.

Он мрачно кивнул, молча соглашаясь со мной.

– Присаживайтесь.

Я пропустил приглашение мимо ушей.

– Надеюсь, вы понимаете, господин Скворцов, что после вчерашнего посещения я не горел желанием вновь оказаться в этом кабинете. Более того, сегодня я собирался уехать в Москву. Однако обстоятельства изменились. Вы должны выслушать меня.

– Спасибо за оказанную честь, – сухо проговорил он, продолжая копаться в своих бумагах. – Говорите, Рукавицын, я вас слушаю.

– Я был свидетелем вчерашних событий на проспекте Ленина.

Он усмехнулся.

– Я нисколько в этом не сомневаюсь. Вы всегда оказываетесь там, где горячо.

– Но это ещё не всё. Сегодняшний инцидент также произошёл на моих глазах.

Он подался вперёд. В его глазах я прочитал живой интерес.

– Какой инцидент?

– На улице Менделеева. Десять минут назад.

– Так, с этого места поподробнее.

Я рассказал ему обо всём, чему стал свидетелем за эти два дня. Он внимательно слушал меня, попутно делая пометки в блокноте. Когда я закончил, он какое-то время молчал.

– Белый порошок, говорите? Хм, любопытно. Номера машины вы, конечно, не запомнили?

– Я его вообще не видел, «волга» стояла ко мне боком.

– И вы считаете, что сегодняшний инцидент вызван теми же причинами?

– Абсолютно. Поведение людей совершенно идентично. Массовый психоз, бессознательная агрессия. А чтобы ещё больше обострить ситуацию, преступники наняли местных пацанов, чтобы те закидали автобус камнями.

– Вы говорите, это был кавказец?

– Так сказал тот пацан.

Скворцов долго молчал.

– Вы правы, Иван Петрович, это звенья одной цепи, – наконец нарушил он молчание. – Похоже, обе акции были заранее спланированы.

– Боюсь, у этой истории будет продолжение, – заметил я.

– Почему вы так думаете?

– Все эти акции похожи на демонстрацию силы, своего рода предупреждение. Преступники чего-то добиваются, но прежде чем объявить о своих требованиях, пытаются нагнать на нас страху. Они понимают: когда в городе начнётся настоящая паника, мы будем сговорчивее.

Я невольно употребил местоимение «мы», хотя, конечно же, правильнее было бы сказать «ВЫ».

– Кто это может быть, как вы полагаете? – спросил Скворцов.

Я пожал плечами. Вопрос не по адресу. Это не в моей, а в его компетенции.

– Кавказцы? – продолжал он допытываться.

– Я бы увязал последние события с налётом на поезд. Допускаю, что здесь действует одна банда. Да, скорее всего, это кавказцы. Причём скрываются они где-то в городе. Больше нигде.

– Вот это-то меня и тревожит, – нахмурился Скворцов. – Проблема в том, что и в городе-то особенно не скроешься. Тем более с таким арсеналом – я имею в виде БТРы.

– А гарнизон? В городе ведь дислоцирована воинская часть.

– Исключено, – уверенно отмёл он моё предположение. – За это я ручаюсь.

Он поднялся, протянул мне руку, давая понять, что аудиенция окончена.

– Благодарю вас, Иван Петрович. Вы нам очень помогли.

Я ответил на его рукопожатие. И тут вспомнил о Наташке.

– Там, кстати, Самойлова в приёмной ждёт. Вы её вызывали.

Он махнул рукой.

– Не до неё сейчас. Вряд ли она что-то прояснит. Вы один, Иван Петрович, стоите сотни таких свидетелей, как она.

– Кстати, где ваш друг? Тот, что устроил мне вчера допрос с пристрастием?

Он скривился в гримасе.

– Тоже мне – друга нашли! Если честно, он меня самого уже порядком достал. Из Москвы прислали. Но можете не беспокоиться, его уже отозвали обратно.

– Вот как! – Новость меня приятно удивила. – Что же так быстро?

Скворцов с интересом посмотрел на меня.

– Не послушал он вас, Иван Петрович, начал наводить справки о вашем прошлом. Ну и получил по полной программе от руководства. Не знаю, как там насчёт увольнения, но разгон ему, я уверен, устроили серьёзный. Бледный был, когда уезжал, щёки трясутся, в глазах страх. Опасный вы человек, Иван Петрович. Что, у вас действительно высокие покровители в нашем ведомстве?

Я прищурился.

– Один ваш коллега тоже любил задавать вопросы.

– Ну, меня-то за излишнее любопытство в Москву не пошлют, – усмехнулся он, сверля меня взглядом.

– Я отвечу на ваш вопрос, Андрей Васильевич. Никаких покровителей в Конторе у меня нет. Однако несколько месяцев назад мне довелось участвовать в деле, спланированном ФСБ. Это всё, что я могу вам сказать.

– И на том спасибо... Кстати, на вашу работу я позвонил, так что можете не беспокоиться. Да, и вот ещё что. Учитывая, что вы обладаете особым талантом оказываться в нужное время в нужном месте, вот вам номер моего сотового. Звоните в любое время суток, если вам случится снова оказаться в центре каких-либо событий. Не смею вас больше задерживать, Иван Петрович. А из города всё-таки не уезжайте. Это личная просьба.

– Видно будет, – уклончиво ответил я. Давать какие-либо обещания я не хотел, тем более, что всё-таки твёрдо решил уехать. Но ему это знать не следует.

Мы расстались почти друзьями. Однако я не тешил себя иллюзиями: каждый «фээсбэшник» носит маску, и видимость дружеского расположения – всего лишь часть их работы.

Наташка поднялась мне навстречу.

– Ну что? Я нужна?

Я мотнул головой.

– У них и без тебя проблем хватает.

– Ты ему рассказал?

– Рассказал.

В этот момент по коридору пробежала группа парней в камуфляже. До меня долетел обрывок разговора.

– Где это?

– На Менделеевской, дом двадцать восемь. Нападение на рейсовый автобус...

Я усмехнулся. Они это называют нападением. Что ж, у них может быть своё видение событий. И своя терминология.

Мы спустились вниз. Уже в машине я спросил:

– Ну что, домой?

– Мне на работу надо заехать, – ответила Наташка. – Вань, может, вместе, а? Мы только туда и обратно. Боюсь я одна, понимаешь.

Я кивнул. Не бросать же мне её одну! Тем более, что свободного времени у меня было хоть отбавляй.

– Спасибо тебе, Ванечка. – Она чмокнула меня в небритую щёку. Потом набрала по сотовому домашний номер, выяснить, пришли ли из школы пацаны. Те уже были дома. Мне показалось, что Наташка вздохнула с облегчением.

Домой мы вернулись только через три часа.

– Голоден? – спросила хозяйка, когда мы поднялись в квартиру.

– Как волк.

– Сейчас обедать будем.

Пока она колдовала на кухне, я растянулся на своём диване. Думать ни о чём не хотелось. Информации было слишком много, чтобы сразу делать какие-либо выводы. Пусть она поварится в моём подсознании, разляжется по полочкам, и тогда я включу свой мыслительный аппарат и вынесу соответствующий вердикт. «Идея должна созреть» – так, кажется, утверждал доктор Хасс из «Мёртвого сезона»? Что и говорить, старый эсэсовец был прав.

Я лежал на диване и плевал в потолок. Образно, конечно. Мой рассеянный взгляд скользил по невзрачным, однообразно-скучным стенам (всё-таки вкус у Наташки отсутствует напрочь!) и случайно остановился на стоявшем в углу комнаты гардеробе. Весь верх его был обильно уставлен коробками и свёртками, которые пылились здесь, наверное, испокон века. Меня привлекла одна коробка, по всей видимости, из-под обуви, в боку которой было вырезано аккуратное круглое отверстие. Что-то мне в этой коробке не понравилось. Я встал, поставил к гардеробу стул, взобрался на него и попытался вынуть подозрительную коробку из-под груди её пыльных собратьев.

Коробку я вынул. А когда её открыл, то обнаружил портативную видеокамеру. Вернее, камеру слежения. Её объектив как раз был нацелен в прорезь. Я провёл пальцем по краю отверстия. Пыли не было. Значит, камера установлена совсем недавно.

Я спустился на пол.

– Наталья! – позвал я. – Подойди-ка, пожалуйста, сюда.

Наташка не заставила себя ждать. Когда она появилась в дверном проёме, я задал вполне резонный вопрос:

– У тебя что, квартира на охране?

Она удивилась.

– На охране? Нет, конечно. А почему ты спрашиваешь?

Я показал ей коробку с портативной камерой.

– Вот это я нашёл у тебя на шкафу.

У неё ноги подкосились. Она бессильно опустилась на стул и побледнела.

– Боже! Что это значит? Я ничего не понимаю! Может, Руслан...

– Может. То есть, ты ничего не знаешь?

– Да я понятия не имею, откуда это здесь взялось!

– Конкуренты, враги, завистники? Никого нет на примете, кто мог бы установить видеонаблюдение за квартирой?

– Да какие у меня завистники! И конкурентов никаких нет. У нас же здесь не Чикаго и даже не Москва.

– Хм... – почесал я в затылке. – Странные дела творятся у вас в Синегорске. Ладно, поживём – увидим. Не бери в голову, подруга. А камеру мы изолируем, чтобы никакая зараза за тобой не шпионила.

– Ванечка, родненький, объясни, что всё это значит? – взмолилась она. – Может, я схожу с ума?

– Может. Но не ты одна, – мрачно пошутил я, зарывая камеру в стопку белья. – Помоему, весь город умом тронулся.

11.

Действительно, в городе творилось что-то неладное. Всё, к чему я прикасался или хотя бы имел какое-то отношение, шло наперекосяк. Сначала налёт на поезд, потом два случая массового помешательства, теперь ещё и это... Конечно же, не я был этому причиной, но какая-то мистическая связь между мной и всеми этими событиями явно просматривалась. Что было бы, если бы я не ехал в том поезде? Налёт не состоялся? Всё может быть. А если бы я не оказался в Синегорске? Не было бы этих взрывов звериной жестокости, сначала на проспекте Ленина, потом на Менделеева? Допускаю. Но в этом случае нарушаются привычные причинно-следственные связи. Дурдом какой-то...

Больше всего меня беспокоила эта камера. Всё остальное ещё можно было как-то увязать, но история с камерой совершенно выбивалась из общего хода событий, ломала всю логику. А когда я чего-то не понимаю, я начинаю нервничать.

На этом тревожении сегодняшнего дня не закончились. В семь вечера Наташка вновь начала проявлять признаки беспокойства. Наконец она не выдержала.

– Руслана что-то долго нет. Обычно в это время он уже всегда дома.

Я не придал этому значения.

– Придёт, куда не денется. Может, задержался где-нибудь.

– Ты не понимаешь! – повысила она голос. – Он *никогда* не задерживается. С ним что-то случилось.

– Успокойся, Наташ, объявится твой благоверный. Помяни моё слово.

Она замотала головой. Я понял: ещё немного, и с ней приключится истерика.

– Ты говорила, он на «химии» работает? Позвони в институт, возможно, их задержали.

В связи с производственной необходимостью.

Она вдруг просияла и кинулась к телефону. Я проследовал за ней.

Телефон не отвечал.

– Длинные гудки, – снова сникла она. – Никто не берёт трубку.

– А сотовый?

– Точно, у него же сотовый! Мы же совсем недавно купили!

Но и сотовый не подавал признаков жизни. «Абонент вне зоны досягаемости сети».

– Что же делать, Ванечка?

– Не паникуй, Наталья, раньше времени, – попытался я её успокоить. – Наверняка всему этому есть какое-то простое объяснение. Сама же потом смеяться будешь над своими страхами.

Однако её беспокойство передалось и мне. Судя по последним событиям, у беспокойства были реальные основания. Что, если Руслан оказался жертвой каких-нибудь чокнутых кретинов, обнюхавшихся белым порошком?

В этот момент зазвонил телефон. Наташка сорвала трубку.

– Да! Русланчик, ты?! А, Вера... – В голосе её звучало явное разочарование. – Нет, не приходил. Что, и твой тоже?.. И не звонил?.. Мобильный не отвечает?.. Не знаю, что и думать... В милицию?.. Нет, не звонила... Бесполезно, ты же их знаешь... Да не будут они искать, только пошlostей каких-нибудь наговорят... Что?.. Да, конечно, позвоню. И ты звони, подруга.

Наташка медленно опустила трубку, однако до рычага не донесла, продолжая держать её в руке. Если не истерика, то обморок её точно грозит.

– Ну что там? – Я сам сгорал от нетерпения.

– Верка Соколова, из соседнего дома, – она кивнула на окно. – Её муж тоже не пришёл с работы.

– И тоже на «химии»?

Она внимательно посмотрела мне в глаза.

– Ну да, на «химии». Ты думаешь...

– Ничего я не думаю, – грубее, чем хотел бы, ответил я. И уже мягче добавил: – Всё уладится, Наташ, я уверен. Ты, главное, не раскисай.

Но она всё-таки раскисла. Слезы сами брызнули из её глаз. Она прижалась лбом к моему плечу и зарыдала, совсем по-детски, навзрыд.

– Я не могу, не могу... – причитала она.

Я неуклюже обнял её за плечи.

– Ну-ну, успокойся, подруга. Всё будет хорошо, я тебе обещаю.

– Ты не уедешь? – вдруг спросила она в тревогой, поднимая ко мне заплаканное лицо.

Я развёл руками.

– Да куда ж я теперь поеду... Не могу же я тебя одну оставить.

Увы, мой отъезд в Москву откладывался на неопределённое время. По крайней мере, до тех пор, пока не вернётся Руслан... Химик грёбаный! Если бы только этот ревнивый козёл видел, как изводится его жена!..

Прошло ещё два часа. Наташка сидела на кухне, глотала валидол и курила одну сигарету за другой. Пацаны, как всегда, замкнулись в своей комнатёнке и резались в компьютерные игры. По-моему, им были по фигу все семейные проблемы. А я всё-таки сел на телефон и начал обзвон всех соответствующих случаю инстанций. Милиция, больницы, морг, бюро несчастных случаев... Потом по новой. Нигде никаких сведений. Руслан словно в воду канул.

В милиции сказали, что я уже десятый, кто звонит по аналогичному поводу. Дело принимало серьёзный оборот. Я ничего не сказал Наташке об этом звонке – не хотелось травмировать и без того измучившуюся женщину.

Раза два звонила Верка Соколова – и тоже ничего.

В этот день Руслан не пришёл. Не пришёл он и ночью. Его мобильник не отвечал. Моя бедная подруга всю ночь не сомкнула глаз. А я... я был рядом, как мог поддерживал её, что-то там бормотал невпопад насчёт производственной необходимости и тому подобной чепухе, в которую и сам не верил. Лишь под утро, вымотанный до предела, я забылся коротким беспокойным сном.

Мне приснился странный сон. Будто бы над институтом экспериментальной химии, каким я запомнил его ещё с детства, поднимается гигантское белое облако. Оно растёт, принимает форму ядерного гриба, медленно колыхается под иссиня-голубым небесным сводом. Внезапно налетает ветер и несёт облако на город. Накрав Синегорск, облако вдруг осыпается вниз белым сухим дождём...

Я вскочил в холодном поту. Мельком увидев себя в зеркале, я испугался собственного отражения. Серая щетинистая кожа, обтягивающая выпирающие скулы, выпученные глаза, дрожащие губы. Влетел на кухню, где ещё ночью оставил Наташку.

Она сидела за столом, в бессилии уронив голову на руки. Сон всё-таки сморил и её. Своим вторжением я невольно её разбудил, о чём тут же пожалел. Она смотрела на меня красными от недосыпа глазами, в которых застыл немой вопрос и целый океан страдания.

Какой же всё-таки болван этот Русланчик! Впрочем, мне сейчас не до него.

– Наталья, извини, у меня очень важное дело. Я оставлю тебя ненадолго.

Она тут же поднялась.

– Я с тобой.

– А если Руслан объявится?

Она задумалась на мгновение.

– Не объявится. Я знаю, с ним что-то случилось. Что-то страшное.

– Опять ты за своё!.. Ладно, поехали.

Действительно, ей лучше развеяться, а не то свихнётся, сидя одна-одинёшенька на этой своей кухне.

О сыновьях она, кажется, забыла. Словно бы они существовали сами по себе. Да, странные складывались отношения у них в семье.

Я сел за руль её авто. Она расположилась рядом, совершенно бесстрастная и какая-то заторможенная, словно не от мира сего. Я не стал её успокаивать, слова сейчас были бесполезны. Она не спросила, куда мы едем, а я не стал ничего говорить.

Мы были на месте через пять минут. Слава Богу, на этот раз без происшествий! Чудовищная мысль, родившаяся во сне, не давала мне покоя и требовала выхода. В городе был единственный человек, с которым я мог ею поделиться.

К Скворцову меня пропустили беспрепятственно. Он сидел в той же позе и за тем же занятием, что и вчера.

– Опять? – вместо приветствия произнёс он, стрельнув в меня взглядом. – Снова принесли дурные вести?

– Опять. Нет, вестей я не принёс, а вот к разгадке, по-моему, близок.

– К разгадке чего?

– Всего того, что здесь происходит.

Он отложил свои бумаги в сторону.

– Говорите.

– Прежде всего пара вопросов. Кто сейчас руководит институтом экспериментальной химии?

Скворцов нахмурился.

– А причём здесь «химия»?

– Андрей Васильевич, ответьте, пожалуйста, на мой вопрос.

– Хорошо, сделаю для вас исключение. Егоров Степан Ильич.

– А фото его у вас есть?

– Да зачем оно вам?

– Это очень важно. Я всё объясню, но сначала фото. Хочу убедиться в правильности моих предположений.

– Ну хорошо, будет вам фото. – Скворцов быстро застучал по клавиатуре, изредка бросая взгляд на экран монитора. – Подойдите сюда. Вот он.

Я обошёл стол и склонился над экраном. С экрана на меня смотрел человек лет сорока пяти, чем-то напоминавший мне какого-то революционного деятеля. Усы, борода, волосы зачёсаны назад, умные близорукие глаза смотрят на тебя сквозь стёкла очков – словом, типичный интеллигент начала двадцатого столетия. Однако эта фотография мне ничего не говорила.

– А ещё что-нибудь имеется?

– Сейчас поглядим.

Скворцов начал листать свой электронный архив, вернее, электронное досье. Егоров Степан Ильич предстал передо мной в различных ракурсах – то на официальной встрече, то среди официальных лиц, то в кругу коллег-химиков, то в белом халате в химлаборатории. Мелькнула серия домашних фото. Нет, всё не то.

– Достаточно? – спросил Скворцов, плохо скрывая нетерпение. – Может быть, вы мне всё-таки объясните, что вы ищите?

Я молчал, продолжая следить за экраном. И тут...

– Стоп! Верните предыдущий кадр!

На фотографии была изображена группа людей, снятых со спины, на фоне какого-то здания. Мне показалось, что я узнаю один из корпусов института.

– Неудачное фото, – пожал плечами Скворцов. – Лиц не видно.

Я ткнул пальцем в одну из фигур, изображённых на снимке.

– Это кто?

– Это и есть Егоров.

Я резко выпрямился.

– Именно этого человека похитили с поезда.

Скворцов вскочил со стула.

– Уверены?

– На все сто!

Он вцепился обеими пятернями в свою шевелюру.

– Так, всё сходится, – пробормотал Скворцов. – Значит, мы были на верном пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.